

НЕБАЛОВАННЫЙ МЁД

По-крестьянски – с походом,
словно я им родня,
небалованным мёдом
угощали меня.
Как в обители бедной,
разорённой дотла,
в жизни после победной,
что не мёдом была.

А потом уже, позже,
в жизни новой, стократ
я узнала – о Боже! –
мёда горечь и яд.
И случайность соитий,
и слова – от балды,
и иные события,
и другие меды.

Среди прочих, – и чаще,
хоть и сердце неймёт! –
этот сладкий, сладчайший,
но – балованный мёд.
Были ноченьки жарки,
а теперь всё видней,
что остались огарки
от пылавших огней.

Были бури большие,
всё теперь в забытии:
как спасали – чужие,
как топили – свои.
И, в пандан непогодам,
жизнью, мутной до дна,
как балованным мёдом,
нас кормила страна.

...Только всё же и всё же,
(прощены про запас!) –

небалованной дрожью
Бог отметил и нас.
И под спудом, с исподом
жизни, взятой взаймы,
небалованным мёдом
угощались и мы.

Угощались – прощались,
как вневременный снег,
не боясь и не жалясь,
но с любовью – навек!
И, наверно, за это
удостоены мы
ощущением света
с наступлением тьмы.
И за это, с походом,
нас кормили с небес
небалованным мёдом
неслучайных словес.

...И не каждый случайный
разберёт и поймёт
за какой же он тайной –
небалованный мёд.

ПЕРЕДЕЛКИНО

За алым лежищем заката
маячит, как морская даль,
в огромных соснах синевато
небес мерцающий хрусталь.

И даже ветер не колышет
лес, по обочинам густой,
где крестиками птичек вышит
песок, от солнца золотой.

И кажется, не будет сносу
всей этой смирной красоте:

траве последнего покоса,
вороне сонной на кресте.

И даль, конечно, не морская,
а в среднерусской полосе,
как жизнь, простая жизнь мирская,
но в очарованной красе.

Так жизнь твоя, в последней трети,
течёт, как золотой песок
полубезумного столетья,
стреляющего в свой висок.

* * *

У стариков, обживающих мир
им непривычный – последней палаты,
Сталин – кумир, Горбачёв ли кумир,
важно для них, но неважно для платы.

Плата же так велика и мала,
что не понять, это правда ли плата,
коль, обезумев, цветёт мушмула –
время расцвета во время заката.

Не мушмула, так ромашка во тьме
тает и светится так виновато,
словно имеет себе на уме
время расцвета во время заката.

Все мы уйдём по дорожке кривой
из необъятного общего чата,
ссоры кромешной, войны мировой –
кто из цветенья, а кто из заката.

Так ли важна наша прошлая боль,
горечь большая и мелкая трата,
если уносит с собою любой
время цветенья во время заката.

Юность моя, я тебя не предаю!
Старость, тебя я, конечно, не выдаю
прежним обидам и старым годам,
и за окошком невиданным видам.

Там, где сурепка и желтофиоль,
даже прощанье – ещё не утрата,
даже прощенье, входящее в боль –
время цветенья во время заката.

ДЕВЯНОСТЫЕ

«Вагоны шли привычной линией...»

А. Блок

Исчезли – жёлтые и синие.
В зелёных плакали и пели
продрогшие, невыносимые
простонародные свирели.

И флейты провожали жалеюще
челночные, душе угодные
одежды из турецких залежей
в те девяности, свободные.

Одни намылились отваливать,
а ты пытался в это встроиться.
И я ещё могла отмаливать
тебя у Господа на Троицу.

И я ещё могла надеяться
в Егорьевске у храма Божия,
что мной посаженное деревце
тобою будет обихожено.

Свобода била неуверенно
Кому – под дых, кому-то – мимо.
Но музыка была потеряна,
осталась только пантомима.